

Э. Г. КРОСС

АНГЛИЙСКИЕ ОТЗЫВЫ ОБ А. П. СУМАРОКОВЕ

Александр Сумароков, всегда ревниво следивший за своей известностью на родине и за границей, с гордостью известил читателей издаваемого им журнала «Трудолюбивая пчела»: «Видите вы, любезные мои согражданин, что ни сочинения мои, ни актеры вам стыда не приносят и до чего в Германии многими стихотворцами не достигли, до того я один, и в такое еще время, в которое у нас науки словесные только начинаются, и наш язык едва чиститься начал, одним своим пером достигнуть мог. Лейпциг и Париж, вы тому свидетели, сколько единой моей трагедии скорый перевод чести мне сделал!»¹

Почти десятилетие спустя, в октябре 1767 г., он не преминул напомнить императрице Екатерине II: «Судя и по самым худым переводам некоторых малочисленных сочинений, Германия, Франция, Париж, и сам Волтер единый с Метастазием из современников моих достойный мне совместник». ² Англия, вполне естественно, не вошла в перечень стран, приветствовавших его талант, но первыми откликами англичан на его сочинения он был бы в целом удовлетворен, хотя, разумеется, желал бы, чтобы отклики были многочисленнее и чтобы не столь часто его фамилию упоминали в сочетании с Ломоносовым. Действительно, известны лишь четыре отзыва о Сумарокове и его творчестве, появившиеся в Англии при его жизни, и до него они бы не дошли, так как два не были опубликованы, третий содержался в книге, изданной малым тиражом для частного распространения, а в четвертом, единственном напечатанном в издании, поступившем в открытую продажу, он не был назван по имени. Уже после его смерти, в течение трех десятилетий, его известность в Англии достигла своего пика, впрочем, весьма невысокого, а затем о нем полностью забыли.

Нет, по-видимому, ничего неожиданного в том, что первые известия в Англии о русском драматурге и его творчестве стали прямым результатом появления французского перевода, который Су-

¹ Трудолюбивая пчела. 1759. Дек. С. 758—759.

² Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 108.

мароков имел все основания назвать «скорым» и «худым». В 1748 г. в Петербург приехал священник Даниэл Дюмерик (1712—1805), назначенный капелланом британской фактории.³ Ему предстояло служить в этой должности почти четырнадцать лет, и все это время он не только ревностно исполнял свои обязанности священника, но и активно содействовал установлению более тесных научных связей между Королевским обществом и Академией наук в Санкт-Петербурге. Официальное признание его больших заслуг в этой области состоялось в 1761 г., когда он был принят в Королевское общество, а в следующем году, при отъезде из России, он был избран иностранным почетным членом русской Академии. С самого начала своего пребывания в России Дюмерик аккуратно посылал в Англию экземпляры всех академических изданий. Именно Академическая типография выпустила в 1751 г. книжку «*Sinave et Trouvore, tragedie russe en vers*» — выполненный кн. Александром Долгоруким французский прозаический перевод трагедии Сумарокова «Синав и Трувор», напечатанной первым изданием в той же типографии за счет автора в том же году.⁴ Побуждаемый «лишь необычностью и новизною этой вещи» и не считая даже нужным упомянуть имя автора, Дюмерик немедленно послал своему покровителю Джону Картерету, графу Гранвиллу (John Carteret, Earl of Granville), «два экземпляра трагедии, недавно переведенной с русского на французский».⁵ Менее скупым на слова оказался он, посылая еще один экземпляр Томасу Берчу (Birch), члену, а с 1752 г. и секретарю Королевского общества. Он указывает, что, насколько ему известно, «это самый первый во все времена перевод сочинения такого рода (с этого языка. — Э. К.), а потому и своего рода диковина», предназначенная «как знак любезности» возвращающемуся австрийскому посланнику. По-прежнему не называя Сумарокова по имени, он рассказывает, как «провел вечер в компании автора, который производит впечатление образованного человека: очень хорошо понимает по-французски. Это позволило ему взять из «*Théâtre Anglois*» тему одной из своих пьес, которой он дал название «Гамлет», но содержание которой, как мне сказали, он изменил».⁶ Сам Сумароков категорически отрицал, что источником ему служила переделка «Гамлета» во втором томе «*Théâtre Anglois*» (1746) Лапласа, и не исключено, что эти сведения Дюмерик получил на самом деле от В. К. Третьяковского.⁷ Возвращаясь к трагедии «Синав и Тру-

³ О Д. Дюмерике см.: *Appleby J. H. Daniel Dumaresq, D. D., F. R. S., as a Promoter of Anglo-Russian Science and Culture // Notes and Records of the Royal Society of London. 1990. V. 44. P. 25—50.*

⁴ Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. Л., 1986. Т. 3. С. 88, № 2822; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725—1800. М., 1966. Т. 3. С. 194, № 7036.

⁵ British Library, London, Add. Ms. 32419, f. 279.

⁶ Ibid, Add. Ms. 4305, f. 67—68.

⁷ *Сумароков А. П.* Полн. собр. всех сочинений, в стихах и прозе. 2-е изд. М., 1787. Т. 10. С. 103. Американский ученый Маркус Левитт (Levitt) недавно обнаружил четвертое издание ин-фольо Шекспира, которым действительно пользовался Сумароков (см.: Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter. 1992. № 20. P. 91. О трагедии Сумарокова см.: *Lang D. M. Sumarokov's «Hamlet»:*

вор», Дюмерик добавляет, что, по его мнению, «в ней есть очень хорошие мысли (sentiments), и в этих краях они уместны и своевременны; в каком-то отношении, по крайней мере, она заслуживает похвалы». ⁸ В завершение он прибавляет в постскриптуме: «Мне сказали, что сюжет трагедии, которую я посылаю, не имеет основания ни в одной древней летописи, где говорится о легендарных событиях, происходивших в этой стране». ⁹

За несколько месяцев до того, как Дюмерик отправил в Англию экземпляры перевода трагедии Сумарокова, он попросил уезжавшего на родину (как оказалось, навсегда) члена Британской фактории передать письмо лорду Гранвиллу. Джонаса Хенуэя, процветающего купца, занявшего в Лондоне ведущее положение в Русской компании, и видного филантропа, Дюмерик рекомендовал Гранвиллу как «джентльмена очень серьезного склада и обладающего умом более собранным, чем, кажется, можно было бы ожидать от купца, чья профессия столь подвержена рассеянию мыслей». ¹⁰ Эта серьезность не замедлила проявиться в изданном Хенуэем в Лондоне в 1753 г. «Историческом очерке британской торговли на Каспийском море, с приложением Дневника путешествия автора из Лондона через Россию в Персию и обратно по России, Германии и Голландии». Уделяя внимание прежде всего и главным образом вопросам коммерции, он тем не менее отводит несколько строк культурной жизни Петербурга в царствование Елизаветы, включив в них следующее утверждение: «Но не только внешними проявлениями начинают отличаться русские: недавно из полного мрака, так сказать, появились два поэта и написали трагедии в соответствии с современными правилами драматургии». ¹¹ Сумароков без колебаний признал бы себя одним из этих не названных по имени поэтов и согласился бы, конечно, с той оценкой его литературной деятельности, которую содержало это неоригинальное описание ступившей на путь просвещения России.

Близкую позицию занимал и Джордж Макартни, британский чрезвычайный посол в России в 1764—1767 гг., чьими стараниями был подписан второй англо-русский торговый договор (1766). Возвратившись в Англию, Макартни издал малым тиражом для распространения среди сослуживцев и друзей свое «Обозрение России в 1767 году», куда включил небольшой раздел «О художествах и науках» («Of Arts and Sciences»), в общем бледный и поверхностный, но содержащий тем не менее замечание о том, что «в последнее время русские достигли больших успехов в поэзии», для которой «их язык, кажется, прекрасно подходит, отличаясь краткостью, вы-

A Misjudged Russian Tragedy of the Eighteenth Century // *Modern Language Review*. 1948. V. 43. P. 67—72.

⁸ British Library, Add. Ms. 4305, f. 67 v.

⁹ *Ibid.*, f. 68.

¹⁰ British Library, Add. Ms. 32419, f. 160.

¹¹ *Hanway J.* An Historical Account of the British Trade over the Caspian Sea: with the Author's Journal of Travels from London through Russia into Persia; and back through Russia, Germany and Holland. London, 1753. V. 1. P. 373.

разительностью, музыкальностью и плавностью». ¹² Упомянув Кантемира, Макартни затем сообщает, что «с тех пор появились два очень выдающихся таланта, Ломоносов и Сумароков (Сумароков), из которых второй еще здравствует». Ломоносов удостоивается похвалы только за «оду, в которой немало возвышенных строк», в то время как о Сумарокове говорится подробнее: «...последний сочинил несколько пьес, обладающих множеством достоинств. Я с большим удовольствием смотрел его переделки «Гамлета» и «Меропы», удачно приспособленные для русского театра. Он также написал на сюжеты из русской истории две трагедии, пользующиеся большим успехом.

К этому следует добавить, что он насадил на русской сцене правила, приведя ее в отношении благопристойности, порядка и великолепия к тому же состоянию, в котором пребывает большинство других театров Европы». ¹³ В годы, когда Макартни находился в России, не зарегистрировано представлений «Гамлета», и так же неясно, какую пьесу он имел в виду, говоря о переделке вольтеровской «Меропы» («Артистону?»). ¹⁴ Тем не менее этот пассаж примечателен не в последнюю очередь тем, что здесь впервые был назван по фамилии Сумароков.

Предшественник Макартни в должности посла граф (второй) Джон Бакингемшир, прибыл в Петербург в конце 1762 г. и вскоре отправился в Москву, где находилась в то время Екатерина и двор. Там он был свидетелем трехдневного «общенародного зрелища» «Торжествующая Минерва», которое стало кульминацией коронационных празднеств. Он присутствовал также на любительском представлении «Семиры», состоявшемся 29 января 1763 г., накануне того дня, когда началось зрелище.

Об этом он писал: «В заключение не могу не сказать о спектакле, на котором мне довелось быть вчера. Это была русская трагедия, представленная перед императрицей во дворце, в роскошном зале, где по этому случаю были оборудованы подмости со всеми подобающими декорациями. Сюжет пьесы был из русской истории, а чувства и речи <персонажей>, насколько можно судить, прочтя французский перевод, который сам говорит о своем несовершенстве, сделали бы честь любому писателю в любой стране. Графиня Брюс сыграла главную роль с непринужденностью и пристойностью, что редко встречается у тех, кто воспитан для сцены. Двух других персонажей превосходно представили граф Орлов и сын покойного генерал-фельдмаршала (Marshall) Шувалова. Граф Орлов обладает очень примечательной внешностью и немного похож на графа Эрро-

¹² [Macartney G.]. An Account of Russia, MDCCLXVII. London, 1768. P. 167.

¹³ Ibid. P. 168.

¹⁴ Из всех трагедий Сумарокова был представлен во время пребывания Макартни в России только «Синав и Трувор» (История русского драматического театра. М., 1977. Т. 1. Репертуарная сводка). Общеизвестно, что в первое издание «Хорева» Сумароков включил две строки из «Меропы» (Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. Л., 1978. С. 117—118).

ла». ¹⁵ Описав танцы, последовавшие за пьесой, Бакингом закончил письмо избитым рассуждением на тему быстрого движения России к просвещению: «Все отличалось таким изяществом и великолепием, что описание, которое может показаться преувеличенным, на самом деле лишь едва отдает им должное. Если принять в соображение, сколь немного лет прошло с тех пор, как в этой стране появились изящные искусства и сколь значительную часть этого времени ими очень мало занимались, то покажется весьма удивительным, что представление подобного рода можно было подготовить и осуществить за несколько недель». ¹⁶ Значение того, что сообщает Бакингом о представлении трагедии Сумарокова, не умаляется его любопытным признанием в следующей депеше относительно того, что он осведомлен о перлюстрации его писем и что именно это обстоятельство («хотя спектакль обладал всеми достоинствами, которые я ему приписал») и побудило его «написать столь подробно о трагедии, сыгранной при дворе», так как он знал, что «Она <императрица> желала, чтобы на пьесу обратили внимание, и ожидала этого». ¹⁷ Не будь, например, у Бакингема этой осведомленности, мы, возможно, никогда бы не узнали, кто исполнял роли в спектакле. ¹⁸ Особый интерес представляет заявление Бакингема о том, что содержание пьесы было ему известно по «несовершенному французскому переводу». Возможно, в 1763 г. был уже издан перевод некоего Мабдиса («*Semire tragedie. Traduit du russe*»), который, как недавно установлено, был напечатан в типографии Московского университета и на который как на вышедший намекает Сумароков в цитированном выше письме к Екатерине. ¹⁹

Последующие британские посланники ничем не способствовали знакомству своих соотечественников с творчеством Сумарокова, но многочисленные записи о представлениях пьес содержит неопубликованный дневник Катерины Харрис (Harris), жившей в 1778—1779 гг. в России, куда она приехала к брату — британскому послу

¹⁵ Norfolk Record Office, Norwich, NRS 2409/39C, Letterbook of 2nd Earl of Buckinghamshire, f. 119—120. Опубликовано с различиями в орфографии в кн.: *The Despatches and Correspondence of John, Second Earl of Buckinghamshire, Ambassador to the Court of Catherine II of Russia 1762—1765* / Ed. by Adelaide D'Arcy Collyer. London, 1903. V. 1. P. 220—221.

¹⁶ Letterbook, f. 121; *The Despatches and Correspondence...* P. 221.

¹⁷ Letterbook, f. 123; *The Despatches and Correspondence...* P. 223.

¹⁸ Ю. В. Стенник в комментарии к «Семире» пишет: «Именно в этой роли (Оскольда. — Э. К.) Волков в последний раз выступал на сцене в Москве 29 января 1763 г., незадолго до смерти. Роль Ростислава в этом спектакле исполнял И. А. Дмитревский» (*Сумароков А. П.* Драматические сочинения. Л., 1990. С. 461). О спектакле сделана запись в «Камер-фурьерском журнале» (СПб., 1855. С. 22), но без указания названия пьесы и фамилий актеров. Ничего об этом не говорится и в кн.: Ф. Г. Волков и русский театр его времени. М., 1953. Ошибка восходит, кажется, к 1770-м гг.: Уильям Кокс, пользовавшийся немецкими источниками, указывает, что в последний раз Волков играл на сцене в «Семире» незадолго до смерти (*Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark.* London, 1784. V. 2. P. 203).

¹⁹ Сводный каталог книг на иностранных языках... Т. 3. С. 88, № 2821; *Сумароков А. П.* Драматические сочинения. С. 461.

сэру Джеймсу Харрису.²⁰ Во многих случаях мисс Харрис приводит отсутствующие в русских источниках подробности о спектаклях и актерах, в том числе и о постановке «Дмитрия Самозванца» в московском Знаменском театре 7 октября 1778 г., почти ровно через год после смерти драматурга: «Смотрела русскую пьесу «Дмитрий Самозванец». Говорят, что эта роль написана хорошо. Актер исполнил ее превосходно, с богатой мимикой и хорошей игрою, хотя в последнем отношении он сплеховал в момент смерти, дав пощечину другу, который замешкался ему помочь. Костюмы красивые, но мужские не вполне соответствуют старинному русскому одеянию, женские точные, включая девичью повязку на лбу. Между актами играли торжественную музыку, созвучную спектаклю».²¹

С пребыванием мисс Харрис в Петербурге совпал первый приезд в столицу России преподавателя Кембриджского университета distinguished Уильяма Кокса (1747—1828), который в качестве наставника сопровождал молодого лорда Джорджа Герберта в его длительных путешествиях по Европе. Именно Коксу предстояло написать ряд трудов о России, из которых самым авторитетным, содержательным и многократно переиздававшимся были «Путешествия в Польшу, Россию, Швецию и Данию», вышедшие в 1784 г. первым изданием в двух томах. Большую главу он посвящает состоянию искусств и науки в России, черпая сведения из французских и немецких источников, которые, будучи иностранными, оказались тем не менее надежными и вполне современными. Категорически не соглашаясь с утверждениями, согласно которым причину сравнительно позднего присоединения России к «просвещенным народам Европы» были «влияние климата и прирожденная бесталанность», он предпочитает видеть быстрые следствия просвещения.²² Он разделяет свое исследование на две части под заголовками «История» (History) и «Поэзия» (Poetry) и под вторым собирает самые подробные из доступных в то время на английском языке сведения о русских поэтах и драматургах.²³ Очерк творческого пути Сумарокова Кокс предваряет экскурсом в историю русской сцены, опираясь главным образом на труд на немецком языке Якоба фон Штелина «К истории театров в России» («Zur Geschichte des Theaters in Russland», 1769). Возвратившись к Сумарокову, он переходит к другому немецкому источнику: «Краткому известию о жизни и сочинениях Александра Петровича Сумарокова» («Kurze Nachricht von den Leben und der Schriften des Alexander Petrowich Sumorokof»), напечатанному в «St. Petersburgische Zeitung» как раз во время его пребывания в русской столице. Кокс перечисляет, в странной, правда, транскрипции, все трагедии Сумарокова и переводит заглавия его комедий. Он высказывает предположение о том, что главным примером в

²⁰ См.: Cross A. G. The Eighteenth-Century Russian Theatre through British Eyes // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. 1983. V. 219. P. 229—231, 233.

²¹ Public Record Office, London, Lowry Cole Papers, 30/43, f. 44 v — 45.

²² Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark. V. 2. P. 180.

²³ Ibid. P. 196—209.

жанре трагедии русскому драматургу служил Расин, и подкрепляет эту мысль ссылкой на мнение французских ученых П Ш Левека (Levesque, 1736—1812) и Н Г Леклерка (Le Clerc, 1726—1798), чьи труды по истории России вышли в то время, когда Кокс подготавливал «Путешествия» к публикации У Леклерка Кокс нашел и впервые перевел на английский язык «образец» русского стихотворения — элегию Сумарокова «К г Дмитревскому на смерть Ф Г Волкова» (1763). Конечный результат получился, конечно, очень далеким от русского подлинника, но виноват в этом был Леклерк. Двадцать пять строк стихотворения Сумарокова он пересказал прозой в десяти, поставив себе целью сохранить лишь основные мысли произведения и в какой-то степени его риторическое облачение, а потому выбросив все, относящееся к собственным сочинениям Сумарокова и его другу Дмитревскому. В следующем отрывке хорошо видны приемы Леклерка и точность передачи Коксом французского прозаического перевода:

Расинов я театр явил, о россы, вам,
 Богиня, а тебе поставил пышный храм,
 В небытие теперь сей храм перенесется,
 И основание его уже трясется
 Се смысла моего и тщания плоды,
 Се века целого прилежность и труды!

O Russie! vous aviez un second Racine,
 mais les fondemens de ce nouveau Theatre vont crouler,
 et tous les travaux d'un siècle sont perdus

«O Russia you possessed a second Racine! but the new theatre is already tottering from its foundations, and all the labours of a century are destroyed!»²⁴

«Путешествия» Кокса пользовались в Англии большой популярностью и в 1802 г. вышли уже пятым изданием. Именно этот труд стал источником материала для статьи о Сумарокове (а также для статей о Ломоносове, Хераскове, Волкове и др.) в «Новом общем биографическом словаре», изданном в Лондоне в 1784 г.²⁵ Статья была перепечатана дословно и в издании 1798 г.²⁶ под редакцией священника Уильяма Тука, который позднее в другом своем труде сообщил дополнительные сведения о Сумарокове и его творчестве.

Тук (1744—1820), служивший с 1771 по 1792 г. капелланом британской фактории сначала в Кронштадте, а затем в Петербурге и при отъезде избранный членом-корреспондентом Академии наук, внес значительный вклад во всестороннее ознакомление англичан с

²⁴ Сумароков А П Полн собр всех сочинений Г 9 С 77, Le Clerc N G Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie moderne Paris, 1783 T 1 P 81, Coxe W Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark V 2 P 203

²⁵ New and General Biographical Dictionary London, 1784 V 12 P 50—53. Материал был заимствован у Кокса также французским лежпутешественником, компилятором П Н Шантро (Chantreau), чей план и был переведен обратно на английский язык под заглавием «Political and Literary Travels in Russia during the Years 1788 and 1789» (Perth, 1794). О Сумарокове см V 1 P 261—263.

²⁶ New and General Biographical Dictionary London, 1798 V 14 P 244—247

историей и культурой России на рубеже веков.²⁷ Печататься он начал, еще находясь в Петербурге, но лишь после смерти Екатерины II стали выходить один за другим его труды, начиная с перевода в 1798 г. «Жизни Екатерины II» Ж. Кастера (*Castera J.-H. Vie de Catherine II. Paris, 1797*). С самого начала Тук отступал от французского подлинника, внося в перевод изменения и дополнения, а в третье издание (1799) ради его «улучшения для пользы и удовольствия» включил, никак этого не оговорив, переведенную им из книги А. К. Шторха «Картина Санкт-Петербурга» (*Storch H. F. Gemählde von St. Petersburg. Riga, 1793—1794*) главу, содержащую обзор литературной и культурной жизни столицы России в царствование Екатерины. Это значило, что речь шла не о Ломоносове, а о Сумарокове, потому что Тук, вслед за Шторхом, считает годы после 1762-го «самой плодотворной эпохой поэтического творчества Сумарокова». Поэтому Сумароков и получает наивысшую похвалу, когда-либо возданную ему на английском языке: «Удачливому во всем, за что ни брался его предприимчивый гений, но более всего в области драмы, Сумарокову было, кажется, самую судьбою определено оставить после себя образцовые сочинения во всех родах отечественной литературы. Живая, но сдерживаемая фантазия, утонченный вкус, воспитанный изучением древних и новых писателей, чисто классический язык — таковы отличительные черты его сочинений».²⁸ Тук выражает сожаление в том, что план этого его труда не позволяет привести образцы поэзии Сумарокова. Этот пробел был заполнен двумя годами позже изданием полного английского перевода труда Шторха под собственной фамилией автора. Английские читатели получили первые стихотворные переводы русской поэзии, сделанные, правда, с немецкого языка; однако Тук скрыл свою к ним причастность, лишив себя тем самым чести быть признанным первым английским версификатором, переведшим стихами сочинения русских поэтов. В качестве образцов были отобраны эклога Сумарокова «Енона», его ода «О величестве Божиим» и отрывок из его «Эпистолы о стихотворстве», посвященный оде.²⁹

Тем не менее Сумароков-поэт уступил место Сумарокову-драматургу в двух следующих публикациях первого десятилетия XIX в., знаменовавших собою вершину его славы (если о таковой можно вообще говорить) в Англии и одновременно фактически ее закат. В последней главе своей «Истории России» («History of Russia», 1800) Тук широко пользовался — с указанием источника — подробным обзором театральной жизни Москвы в книге Иоганна Рихтера «Москва: Очерк» (*Richter J. Moskwa: Eine Skizze. Leipzig, 1799*), а статья Рихтера «Описание театрального дела в России до царствования Екатерины Великой» («Beschreibung des Theaterwesens in Russland bis zur Regieren Catharina's der Grossen») в его журнале «Russische

²⁷ См.: *Cross A. G. The Reverend William Tooke's Contribution to English Knowledge of Russia at the End of the Eighteenth Century//Canadian Slavic Studies. 1969. V. 3. P. 106—115.*

²⁸ *Tooke W. The Life of Catharine II, Empress of Russia. 5th ed. Dublin, 1800. V. 3. P. 322—323.*

²⁹ *Storch H. The Picture of Petersburg. London, 1801. P. 385—388.*

Miszellen» (1802) послужила источником (впрочем, не названным) «Краткой истории русской сцены» («Abridged History of the Russian Stage»), появившейся в одном лондонском журнале в 1806 г.³⁰ Материал в большей своей части, особенно касающийся Сумарокова, оказался уже известным, и причиную этого было то, что Рихтер взял его из тех же источников, которыми двадцатью годами ранее пользовался Уильям Кокс. Но замечателен был 1806 год прежде всего выходом первого английского перевода драматического сочинения Сумарокова. Более того, это была не только «литературная новинка — русская трагедия в британском одеянии», как представил пьесу переводчик,³¹ но и перевод непосредственно с русского подлинника, сделанный к тому же русским, жившим в Англии.

Не назвавшим себя переводчиком был Алексей Григорьевич Евстафьев (1779—1857), служивший в русском посольстве в Лондоне, а позднее русским консулом в Бостоне в Соединенных Штатах. В Лондоне между 1806 и 1808 гг. он своими переводами и статьями в одном из журналов активно знакомил англичан с русской культурой и литературой, в том числе напечатал переводы статьи Карамзина «О книжной торговле и любви ко чтению в России» (1802) и биографического очерка М. И. Веревкина «Жизнь покойного Михаила Васильевича Ломоносова» (1784).³² Собственное восхищение Ломоносовым он высказывает, называя его «Российским Пиндаром», в предисловии к переводу «Димитрия Самозванца». Он не первым, однако, употребил это сравнение, как, впрочем, не отличалось новизною и рассуждение о сходстве и различии поэтических и стилистических особенностей двух поэтов, которым предварена оценка достижений Сумарокова в драматургии. К сожалению, вся похвала «Димитрию Самозванцу» сводится лишь к констатации того, что Сумароков «строго держался исторической правды», после чего следует признание, согласно которому «на выбор трагедии повлиял более случай, нежели убеждение в том, что она представляет собою шедевр автора». Тем не менее намерение Евстафьева «удовлетворить любопытство английских читателей и дать им возможность самим составить какое-то мнение о заслугах автора, до сих пор им известного лишь по имени и отзывам», было уместным и вызвало интересные отклики в английской прессе.³³ «Джентлменз мэгэзин», посвятивший пьесе небольшой абзац, наполненный главным образом цитатами из предисловия, называет предпринятую попытку «похвальной», а переводчика — хорошо владеющим «нашим языком». ³⁴ С другой стороны, рецензент «Ежегодного обозрения» не пожалел, видимо, труда прочесть пьесу и смог пересказать ее содержание. Он

³⁰ Monthly Magazine; or British Register. 1806. V. 21. P. 112—117.

³¹ Demetrius, the Impostor; a Tragedy by Alexander Soumarokove. London, 1806. P. VII.

³² См.: Кросс А. Г. Русское посольство в Лондоне и знакомство англичан с русской литературой в начале XIX века // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 99—107.

³³ Demetrius, the Impostor. P. III—VII.

³⁴ Gentleman's Magazine. 1806. V. 76. Pt. 2. P. 747.

берет из предисловия сведения о Сумарокове, но возражает против соблюдения трех единств, заявляя, что «единство действия поддерживает интерес к пьесе и производимое ею впечатление; единство времени не имеет никакого значения, а единство места является большою ошибкою, так как перемена обстановки и декораций сильно помогает зрителю поверить в реальность показываемого на сцене (*contributes powerfully to the illusion of the spectator*)». Вполне очевидно стараясь быть справедливым и «готовым воздать здесь должное цветам российского произрашения», он полагает, что, «значительно сократив пьесу и сообщив ей зрелищность, увеличив число действующих лиц, применив белый стих, резче очертив характеры персонажей и призвав на помощь актеров, владеющих так искусством, как должны владеть им поэты, эту трагедию можно было бы сделать пригодной для постановки в лондонском театре». ³⁵ Однако выполнить все эти рекомендации означало полностью переделать пьесу Сумарокова. «Литературный журнал» не прибегает к обинякам и не считает возможным даже ставить вопрос о переделке: «Нам представляется, что она (пьеса. — Э. К.) не удовлетворяет ни одному основному требованию драматургии и никоим образом не может быть приспособлена для английской сцены, которая для нас является единственной мерой истинного вкуса. Не говоря уже о том, что диалог протекает более в высокопарных речах, нежели в разговоре, мы не находим ни тех живых черт (*touches of nature*), которые с равною силою заявляют себя на всех языках, ни цельных характеров, которые должны отличать действующих лиц трагедии из жизни *царственных особ*». ³⁶ Укол приберегается для заключительного предложения, где приветствуется появление этого перевода по той причине, что он «лишний раз дает основание испытывать гордость за превосходство отца английской сцены».

Нельзя не почувствовать тонкой иронии в том, что, начавшись с упоминания о переделке Шекспира Сумароковым в соответствии с его собственными драматургическими взглядами, пятидесятилетняя история отзывов о нем англичан закончилась пожеланием привести в более приемлемый, «британский», или шекспировский, вид ту самую трагедию, которая, как был уверен сам автор, «покажет России Шекспира». ³⁷

Перевод В. Д. Рака

³⁵ Annual Review and History of Literature for 1806. 1807. V. 5. P. 537—538.

³⁶ Literary Journal. 1806. V. 2. P. 334.

³⁷ Письмо Сумарокова к Г. В. Козицкому от 25 февраля 1770 г. // Письма русских писателей XVIII века. С. 133.